

Л. В. Бороздина

НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ И ХАРАКТЕРА НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.Н. ЛЕОНТЬЕВА

Цель статьи — представление концепции личности и характера, построенной на основе теории деятельности А.Н. Леонтьева. Во вступительной части работы приведена краткая история характерологии, анализ которой обнаруживает очевидную неопределенность в понимании предметов психологии характера и личности, их прямое (характер) или косвенное (личность) сведение к психической индивидуальности субъекта. Однако конкретное наполнение этой индивидуальности оказывается настолько широким и разнообразным, что характерология начинает терять свои ясные очертания, личность же не находит сколько-нибудь общепринятого определения. С позиции излагаемой концепции личность рассматривается как структура жизненных смыслов, характер — в качестве инструментального уровня, принимающего к исполнению жизненные смыслы индивидуума и реализующего их в человеческих поступках. Показана неидентичность двух исследуемых образований, их различия по содержанию, назначению в человеческой психике, единицам строения, общей конструкции и генезису. На материале этнической психологии даны примеры реализации единого для разных народов смыслового образования с помощью неодинаковых характерологических приемов и, напротив, обслуживание одним поступком или их стереотипом нескольких смысловых образований. В заключение обсуждаются вопросы соотношения личности и характера, а также источник их формирования.

Ключевые слова: личность, характер, личностный смысл, жизненный смысл, смысловое образование, поступок, этническая психология.

The aim of the article is to introduce the concept of personality and character which is based on the activity theory approach by A.N. Leontiev. The introductory part of the work gives a short history of characterology whose analysis reveals apparent uncertainty in understanding the subject matters of character psychology and personality psychology. They are directly (character) or indirectly (personality) confined to a person's psychic individuality. However, the specific content of this individuality appears to be so broad and various that characterology starts losing its clear contours while personality does not find any generally accepted definition. In the framework of the developed concept, personality is regarded as a structure of life meanings while character is seen as an instrumental level which

Бороздина Лидия Васильевна — докт. психол. наук, профессор кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* lv_bor@mail.ru

accepts life meanings for performance and implements them in human actions. Nonidentity of the two studied formations is shown: they are different in terms of content, function in human psychics, units of structure, general construction and genesis. Some examples are given based on the data of ethnic psychology. They show how a sense formation which is the same for different nations is realized through unequal characterological techniques. On the other hand, a few sense formations can be expressed by a single action or stereotype. In conclusion problems of correlation between personality and character and the source of their generation are discussed.

Key words: personality, character, personalized meaning, life meaning, sense formation, action, ethnic psychology.

Краткий очерк истории характерологии

Понятие «характер», как не однажды упоминалось, впервые появляется в языке древних греков (Roback, 1928; Стратоновский, 1974; Бороздина, 1997, 2004, 2012), образуясь от глагола «*χαρασσω*», передающего обширный комплекс ремесленных действий. Одним из значений слова становится «отгиск, штамп, метка». В этом качестве концепт довольно рано начал применяться к человеку, у которого уникальной меткой, отличающей его от других людей, выступало лицо (Геродот, V в. до н.э. — см.: Бороздина, 1997). Позднее понятие обозначает уже не только соматические, но и психические свойства индивида, его мысли, слог, манеру устной или письменной речи. Таким образом, термин наделяется общим смыслом индивидуальных особенностей, различий и в целом **индивидуальности субъекта**.

Ясно, что подобная интерпретация делает представление о характере чрезвычайно широким. Аристотель (1984) сужает такое воззрение. Пользуясь не ремесленным «характер», а, по примеру своего учителя Платона, словом «этос» («*ἦθος*») — устойчивый нрав, Стагирит рассматривает его как констелляцию черт, созданную прижизненно, оттиснутую привычным способом действий человека и презентующую субъекта со стороны морали. Последняя задает специфику поведения индивида, с помощью которой этос может быть описан и распознан. Ученик Аристотеля Теофраст [Теофраст] (Фрейденберг, 1941; Стратоновский, 1974) последовательно реализует намеренный Стагиритом путь психоностики. В книге о характерах Теофраст впервые вводит в научный лексикон ремесленный термин в его исходном значении, и, озаглавливая труд «*Ἠθικὸν χαρακτήρες*» (буквально «Этические характеры» — Аверинцев, 1971; Лосев, 1975; Ярошевский, 1976, т.е. «Поведенческие стереотипы, штампы, шаблоны» и т.п. — Бороздина, 1997), автор приводит в ней целую галерею различных стилистических клише, выделяя их по доминирующей черте: лести, тщеславию, трусости (30 этюдов) — и

показывая, как данное свойство выражается в манере поведения, ибо каждому качеству релевантен свой стандарт поступков¹. Феофраст изображает типовые характеры; его ученик, известный античный комедиограф Менандр, применяя прием Феофраста, рисует уже индивидуальные нравы.

В истории психологии новый всплеск интереса к анализу характера возникает в XVI в., когда рукописи Феофраста попадают в Западную Европу и печатаются на греческом и латинском языках. В XVII столетии сначала в Англии (Hall, [1608] 1969), потом во Франции у моралистов (Лабрюйер, [1688] 2011) появляются подражания Феофрасту (Бороздина, 1997). Наряду с увлечением феноменологией характера ставится проблема его истоков и генезиса, далее интенсивно обсуждаемая французскими материалистами (Д. Дидро, К.А. Гельвеций и др. — Бороздина, 1997), чей вывод гласил: характер человека есть продукт обстоятельств его жизни, производное влияний среды. Это мнение удерживается и в XIX в.

В итоге почти 2500-летней истории изучения человеческого нрава складывается странная ситуация. Прежде всего, не происходит какого-либо продвижения в понимании предмета психологии характера. У Аристотеля главным был вопрос о том, что такое характер, и автор отвечает на него, выделяя из всей индивидуальности **этос как моральную персону субъекта**. В интервале между XVI и XIX вв. определение характера большей частью вообще не дается, а трактовка предмета расширяется **до полной психической индивидуальности**. Признается, что характер созидаем — с ним не рождаются, он становится. Но если у Аристотеля человек и был самосозидателем, то у французских материалистов характер образуют жизненные условия, в результате чего субъект лишается значительной доли своей свободы по самосозиданию, а у Р. Оуэна (1865) теряет ее полностью, поскольку индивид мыслится в принципе не способным творить себя, оказываясь «пассивной смесью» в руках предшествующих поколений.

Вместе с тем к середине XIX—началу XX в. исследование характера становится модным. Предлагается даже учредить особую науку о нем — этологию (Дж. Ст. Милль, [1843] 1914), отделив ее от общей психологии. Позднее нечто подобное осуществляется усилиями главным образом русского психиатра А.Ф. Лазурского (1908), стремившегося построить характерологию в форме индивидуальной психологии. Предмет этой науки — полный психический облик субъекта; метод — эмпирический и экспериментальный, насколько, по

¹ «Традиционная» дофилософская этика Греции сводилась к набору поведенческих предписаний для мужчин и женщин, взрослых и юношей, знатных и простолюдинов. Этот свод регламентировал поведение на войне и в мирной жизни, в общении со старшими, младшими, иностранцами и т.д. (Стратоновский, 1974).

словам автора, это возможно в психологии личности; цель — анализ человеческой разновидности для построения типологии.

На переломе XIX и XX столетий возникают три специальных подхода к изучению характера — конституциональный (Э. Кречмер, У. Шелдон), психоаналитический (З. Фрейд и др.), идеологический (Э. Шпрангер, А. Робэк). В рамках всех подходов толкование характера остается прежним — как психической индивидуальности. В конституциональном подходе делается попытка уточнить представления об истоках характера и возможности его диагностики по соматическому типу; в психоаналитическом присутствует вопрос о специфических детерминантах характера и дается собственная разработка его развития в виде последовательного прохождения индивидом психосексуальных стадий; в идеологическом подходе поднимается проблема действия духовных ценностей на образование характера.

В зарубежной психологии, начиная с Г. Олпорта (Allport, 1937), категория «характер» постепенно изымается из научного языка как не имеющая самостоятельного содержания. Согласно Г. Олпорту, наибольшим завоеванием психологии XX в. служит открытие личности, а ее наиважнейший атрибут — индивидуальность. Характер же — это личность в ее оценке, личность — это некий «сырой» характер, вне оценки. По замечанию современных немецких авторов (Arnold, 1972), американцы произвели замену понятия «характер» на «личность», никак не меняя его смысла, и это верно. Но результатом послужило то, что в большинстве стран мира тема характера утратила свой автономный статус, а соответствующая категория либо прямо отождествляется с термином «личность», что делается чаще всего, либо считается анахронизмом, исключая ее употребление в качестве психоаналитического клише — «анализ характера», «черта характера».

К сожалению, характер весьма рано начали идентифицировать с личностью — примерно с XVIII в., что в последующие два столетия становится повсеместным: в США — М. Селигман (Seligman, 2002) и др.; в Англии — Р. Оуэн (1865), Г. Модсли (1871), А. Бэн (1866) и др.; во Франции — Т. Рибо (1886), Ф. Полан (1896), Л. Корман (Corman, 1932) и мн. др.; в Германии при образовании во второй половине XIX в. «немецкой характерологии» это словосочетание означало специальное направление философского толка, посвященное изучению человеческой личности.

В отечественной психологии наличествуют так называемые широкая и более узкая интерпретации характера. Первая сводит его к индивидуальному психическому складу (Левитов, 1969), согласно второй, характер содержит две составляющие. Одна из них — *направленность*, существующая в виде отношения субъекта к длинному ряду

различных объектов, первоначально составленному А.Ф. Лазурским в соавторстве с философом С.Ф. Франком (1912) и наиболее точно, хотя и усеченно, воспроизводимому впоследствии Б.Г. Ананьевым (1947). Это отношение к обществу, общественным идеям, труду, природе, людям, к себе и т.д. Другой составляющей служит *способ действия* индивида, обычно заменяемый на волю (Ковалев, Мясищев, 1957; Левитов, 1969; и др.). Такое представление, сформированное в первой половине XX в., еще удерживается в отдельных текстах, но не является сколько-нибудь серьезно востребованным.

Обращение к истории характерологии вскрывает два существенных факта. Прежде всего, крайнюю неопределенность трактовки предмета изучения, несмотря на монотонную апелляцию к психической индивидуальности. Вопрос разногласий — конкретное наполнение этой индивидуальности. Аристотель не вводил в этос ум, ибо он врожден человеку, за него не порицают и не хвалят, а также аффективные процессы, вследствие которых субъект утрачивает контроль над собой. Но практически уже в одно время со Стагиритом (384—322 до н.э.) Феофраст в сборник скетчей о нравах, датированный 318—317 гг. до н.э., включает описание недостатка ума в перечень черт, детерминирующих определенный тип характера (Феофраст, 1974. XIV. Тупоумие). Позднее одни авторы рассматривают не только мышление, но и сознание в качестве наиважнейшего фактора образования характера, переменной, чье влияние именуется *«личным воздействием»*, благодаря которому и формируется собственно характер, в отличие от темперамента и прочих наследственно обусловленных свойств (Фульье, 1896). Другие исследователи полностью отрицают какое-либо действие сознания на построение человеческого нрава, целиком помещая его в область бессознательного (Рибо, 1886). Представители английской школы закладывают в основу этоса чувства и пытаются конструировать весь характер из них (Shand, 1914). В Германии характер приравнивают к воле, во Франции он создается из различных стремлений (Полан, 1896), строится по законам ассоциаций (Малапер, 1913) или с использованием трех *«элементов характера»* А. Бэна (1866) — *«ума, чувств, воли»* и т.п. В результате возникает такая разногласия суждений о непосредственном наполнении людского нрава как индивидуального психического склада, что он начинает терять четкие контуры.

Что касается второго, уже упоминавшегося факта — сведения характера к психической индивидуальности, — то здесь мы сталкиваемся с прямым редукционизмом, когда одно явление переносится на другое, и если следовать такой логике, неизбежно проступает странная последовательность: характер = личность = индивидуальность. Не требуется особой пронизательности для выделения главной части ряда — это его последний компонент. Ни характер,

ни личность при подобной интерпретации не имеют собственного значения без индивидуальности, потому что она и составляет их суть. Но это грубое искажение действительности. Людской нрав обладает качеством уникальности, но он не есть сама уникальность, поэтому редукция характера, а далее личности к психической индивидуальности человека — не более чем подчеркивание широко известного их разнообразия и единичной неповторимости. Однако дело в том, что свойство индивидуальной вариативности касается не только полной психической структуры субъекта, но и ее отдельных компонентов — от элементарной сенсорики до выбора жизненных ценностей. Это непреложный факт, объективно фиксируемый, например, при измерении порогов чувствительности. Индивидуальное своеобразие — качество номотетическое, закономерность общего действия, и только оно неадекватно для выражения сущности феноменов характера или личности, столь же интериндивидуальных, как и составляющие их психические функции и процессы, а потому указанное свойство, пронизывающее всю психику, как и телесность, не в состоянии быть сколько-нибудь строго выделенным предметом ни характерологии, ни науки о личности. Здесь необходимо ясное понимание содержания названных феноменов, их места и назначения в человеческой психике.

О предмете психологии личности и характера

В отечественной психологии с конца 70-х гг. XX в. все более упрощается воззрение на личность как на структуру мотивационно-смысловых образований, или *структуру личностных смыслов* (Асмолов и др., 1979). При всей продуктивности вводимого и разрабатываемого подхода определение личности кажется слишком широким, ибо заимствованное из теории деятельности понятие «личностный смысл» в авторской редакции составляет «значение для себя» (Леонтьев, 1975, с. 145). В действительности личность человека — это структура не просто личностных, а «жизненных смыслов» (Бороздина, 1989, 2002, 2004, 2012), т.е. таких, которые не только значимы для индивидуума, но которые детерминируют, программируют и реально строят его линию жизни. Комплекс жизненных смыслов несет в себе то, ради чего существует данный субъект, на что он тратит свою жизнь, что включает ее центральное содержание.

Единицей анализа личности, т.е. анализа на данном уровне человеческой психики, служит единичный смысл, все они образуют иерархическую конструкцию, где жизненные смыслы занимают наиболее высокие позиции, дифференцируясь по степени накала этого «значения для себя». Изложенное представление не подразумевает, однако, какого-то аксиологического подтекста, привносимого по критерию социальной валентности отдельных смыслов, в результате

чего один индивид наделяется личностью, а другой — нет. Личность есть у каждого человека, не исключая делинквентов, вопрос в том, чем она наполнена, какое непосредственное содержание имеют главным образом жизненные смыслы.

Сеансы клинического интервью с испытуемыми в возрасте от 10 до 90 лет показывают, что, в отличие от просто личностных, жизненные смыслы относительно немногочисленны, но отнюдь не единичны. Уже в ранней взрослости они достаточно осознаны людьми, хотя часть смысловой структуры может оставаться в латентном состоянии. Названные смыслы способны перестраиваться в ходе жизни, меняя место в иерархии. Последнее с очевидностью обнаруживается в геронтогенезе, когда смысл продления собственного существования, самосохранения приобретает для субъекта чрезвычайную значимость, продуцируя соответствующий мотив и деятельность по самообереганию, самоподдержанию, самоукреплению, когда обследуемые начинают приписывать наивысшую ценность жизни как таковой, чего нет или почти нет у молодых взрослых (Бороздина, Молчанова, 2001). Итак, личность — это часть человеческой психики, представляющая мотивационно-смысловую структуру субъекта, и прежде всего его **жизненные смыслы**.

Разумеется, любой единичный смысл можно реализовать по-разному. Способ их воплощения презентрует иной слой психики человека — его характер в качестве уровня, принимающего к исполнению жизненные смыслы, поэтому для него релевантен вопрос: не «что, ради чего?», а «как, каким образом?» Единицей анализа на уровне характера служит **поступок**. В теории деятельности А.Н. Леонтьева, на которой базируется концепция, развиваемая автором данной статьи, такого элемента нет, и А.Н. Леонтьев нечасто пользуется им в текстах. В предлагаемой концепции под поступком понимается вид действия, обеспечивающего локомоцию индивидуума в особой области его жизненного пространства — области субъект-субъектных отношений. Объектом здесь выступает не предмет, а иное лицо. Поступок — это действие, в котором человек обращается к другому или с другим, либо действие, адресованное другому и способное иметь социальный резонанс. Кристаллизация системы поступков, их организация в устойчивую поведенческую схему, обретение индивидуального стандарта таких актов и являет собой отработку характера. Это поведенческий шаблон, стилистическая особенность, представляющая стабильный, свойственный конкретному человеку модус деяний.

Принцип строения здесь отличен от предыдущего. На уровне личности постулируется иерархия смыслов, в слое характера логично предположить центризм. Если весь репертуар поступков субъекта расположить на концентрических окружностях по критерию боль-

шей близости к центру в зависимости от частоты использования, то характер будет складываться из тех действий, которые чаще всего применяются, становясь привычкой, второй натурой человека, поэтому шаблон поступков войдет в ближний сектор концентриа, занимая примыкающие к нему окружности. В слое характера первостепенна не высота, т.е. амплитуда индивидуальной значимости жизненного смысла, как в личности, а привычность, доступность того или иного акта в форме техники исполнения. Это образование, имеющее статус устойчивого гештальта приемов, позволяющее субъекту осуществлять свою жизненную линию, не задумываясь в силу автоматизации привычки о том, как это делать (Adler, 1927).

Нетождественность личности и характера

Два образования человеческой психики — личность и характер — явно не идентичны и являются таковыми прежде всего по определению мотивов и целей в теории деятельности А.Н. Леонтьева (1975), на которой базируется вся система приведенных положений. Сопровождаясь смыслами, мотивы порождают деятельность, цели — действия. Личность — это ценностно-смысловая структура субъекта, характер — целевая, слой создания или выбора целей человеком. Как видим, по своему содержанию и функции рассматриваемые образования различны, что в контексте настоящего обсуждения достаточно аксиоматично. Однако это различие прямо подкрепляется фактическим материалом при использовании приема, с помощью которого А.Н. Леонтьев разводил феномены действия и деятельности. Автор пишет: «Одно и то же действие может осуществлять разные деятельности, может переходить из одной деятельности в другую, обнаруживая таким образом свою относительную самостоятельность... Очевидно и обратное, а именно, что один и тот же мотив может конкретизоваться в разных целях и соответственно породить разные действия» (Леонтьев, 1975, с. 105).

В свете приведенных рассуждений необходимо проанализировать отдельные жизненные примеры, а также, и главное, данные этнической психологии.

Что касается первых, то поступок вроде острого спора одного человека с другим или другими способен служить реализацией смысла защиты себя, своего достоинства, семьи, близких, имущества и т.д. — словом, всего того, что в языке У. Джемса (1991) входит в понятие «мое» или «Я» (эмпирическое), — т.е. применительно к данному контексту в смысловую структуру «Я». Однако аналогичным поступком — участием в ожесточенной полемике — человек способен отстаивать справедливость как часть смыслового содержания его личной нравственности, даже если справедливость нарушается по отношению не к нему, а к иному лицу или лицам. Это отстаивание

принципов субъектом как моральной персоной. И так, один и тот же поступок может воплощать разные смыслы индивидуума, а один и тот же смысл, например свободолюбия, — осуществляться за счет неотжественных действий, что наблюдается в различных культурах.

Столь значимый жизненный смысл, как любовь и стремление к свободе, типичный для многих народов мира, всегда входил неизбежной ценностью в интегральную личность древних греков. В своем воплощении свободолюбие получило совершенно определенное отражение в каноне полисной морали, т.е. в требованиях к гражданину города-государства, первыми из которых были храбрость, стойкость, отвага. Особенно ярко это проявилось в античной Спарте, где наиболее почитаемыми считались сила духа (наряду с физической), бесстрашие, доблесть, готовность человека защитить независимость своего полиса и собственную свободу, не щадя жизни (Боннар, 1958; Бороздина, 1997).

В смысловой структуре представителей современной Греции, вопреки осознанию того, что они не в состоянии возродить лучезарную «Великую Грецию», вопреки их «комплексу неполноценности» даже по отношению к византийским грекам, свободолюбие служит одним из высокоценных смысловых образований нации и отдельных людей. По описанию И.В. Зиньковской (2005, с. 83) греки «смогли пройти через 400-летнее турецкое завоевание² — одно из самых жестоких в истории, сохранив практически в неприкосновенности самосознание, религию, обычаи и язык. Мимо них прошла эпоха Возрождения, их не коснулись научные открытия Просвещения, социальные и промышленные революции и многое другое». Греки были, по выражению автора, выброшены в современность примерно 150 лет назад и с тех пор стараются догнать Запад. Переход оказался болезненным, ибо народ живет в стране, потерявшей более трех четвертей территории и постоянно находящейся на грани банкротства. Но тот факт, что за 400 лет турецкого владычества греческий этнос не утратил национального самосознания, культуры, религии, обычаев и языка, является серьезнейшим доводом в пользу неприятия греками положения подчинения и их стойкого стремления к независимости. На уровне реализации этой смысловой структуры можно видеть ее полное и прямое воплощение. «Обнаруживая чрезвычайную страсть к свободе выбора, греки совершенно не восприимчивы к пониманию слов: “дисциплина”, “координация” или “система”» (там же, с. 84). Но дело здесь, разумеется, не в перцептивных или когнитивных трудностях, а в полном отказе от условных ограничений, от той или иной регламентации жизни и деятельности: «свободный человек должен

² С XV в. Греция находилась под властью Турции. Благодаря Греческой революции 1821—1829 гг. и поражению Турции в войне с Россией 1828—1829 гг. с 1830 г. Греция обрела независимость.

жить свободно!» По словам Зиньковской (2005, с. 85), «греки путают хорошие манеры и подобострастное повиновение, которое они были вынуждены усвоить, чтобы выжить под турецким игом». Вследствие этого они убеждены, что проявление вежливости как некой цивилизованной формы предупредительного угодничества подобает рабу, но не свободному человеку. В результате стиль поведения греков отличается неприятием конвенциональных норм, тяготением к свободе без искусственных в их понимании ограничений и включает в себя элементы небрежности и необязательности в межличностных контактах. Нельзя сказать, что современные греки не знают и не признают своих недостатков, они вполне критичны, но готовы моментально «поставить на место» любого, особенно иностранца, который нелестно отзовется о Греции или усомнится в том, что «греки — соль земли» (там же, с. 83).

Англичанам также в полной мере присущи независимость и ощущение себя свободной нацией (Зиньковская, 2005), впервые отвергнувшей диктат Ватикана и вообще католицизма, впервые ограничившей абсолютную власть монарха, а помимо того — нацией, не столько входящей в народонаселение планеты, сколько стоящей над ним, потому что в своей истории Великобритания имела длительный период существования в виде крупной колониальной империи, владевшей огромными территориями вне метрополии. Современный англичанин сознает себя свободным в свободной стране и крепко держится за свою свободу. Его пристрастие к домашнему очагу служит символом личной независимости. Но если обратиться к тому, как поведенчески осуществляется это свободолобие, то мы видим высокомерие британцев и чувство превосходства, отстраненность, отражающую самодостаточность, а кроме того, и главное, особое внимание англичан к неукоснительному соблюдению их гражданских прав, оберегание последних от любого посягательства со стороны государства, каких-либо организаций внутри него или частных лиц.

Таким образом, в первом из анализируемых случаев (древние греки) свободолобие воплощается в храбрости, бесстрашии, доблести; во втором (современные греки) — в поведенческой раскованности, нередкой бестактности и быстром соскальзывании в вербальную агрессию; в третьем (англичане) — в надменности, замкнутости и своеобразной «прикованности» людей к своим гражданским правам. Можно видеть, что один и тот же жизненный смысл, т.е. единый элемент личности, имеет неодинаковую характерологическую конкретизацию в разных этносах.

Конечно, специальные исторические и этнические условия, а помимо того, частное толкование обсуждаемого смысла, будучи небезразличными для его реализации, отчасти и продуцируют отмеченные дифференциальные особенности. Древним грекам надо

было защищать свои государства, поэтому формировался в основном характер воина. Современные греки, обретя свободу, переполнены желанием пользоваться ею в полной мере. Англичане, испытывая гордость за державу, рано получившую и длительно удерживающую свой суверенитет, зорко следят за соблюдением собственных гражданских прав как гарантии личной независимости. Но какие бы оттенки значения ни принимало свободолюбие при трех описанных обстоятельствах, ядерным, корневым в этом, безусловно, жизненном смысле для народа каждой страны остается одно — свобода и независимость, что и подлежит осуществлению, сопровождающемуся, как можно было видеть, характерологической вариацией, следующей за частной смысловой задачей (защита территории и проч.) или не только за ней.

Приведенные примеры были призваны показать, что один и тот же жизненный смысл может воплощаться с помощью разных акций на уровне характера, т.е. разных поступков, формирующих черты. Но действительно и обратное: один и тот же поступок способен «служить» нескольким смысловым образованиям. Храбрость, бесстрашие древних греков реализует не только смысл свободолюбия, но и любовь к Родине, сверхценный смысл патриотизма. Деяния людей, свидетельствующие об их неустранимости, доблести, героизме, прямо касаются смысла «Я» субъекта, резко поднимая потенциал его самовосприятия и создавая отношение человека к себе как к персоне, окруженной ореолом славы. А это в свою очередь делает индивида не только само-, но и социально ценным, что в небольшом по размеру городе-государстве, которым был полис, обеспечивало субъекту определенный статус, который непосредственно задевал смысл общественной или профессиональной деятельности. Подобные примеры несложно продолжить, но важно то, что одинаковый смысл или структура имеют разное характерологическое выражение в стереотипе поступков, а один и тот же поступок обслуживает ряд смысловых структур, т.е. комплекс элементов личности.

Соотношение личности и характера. Источник их формирования

По своему назначению и функции в психике человека личность и характер представляют собой достаточно самостоятельные конструкции. Но все же ведущим в известной мере оказывается уровень личности, ибо конкретный смысл с его частным толкованием, несомненно, задает вектор поиска средств реализации, подбор способов воплощения в жизнь данной смысловой единицы или структуры.

Очевидно, что обсуждаемые образования не идентичны, но они и не разведены. Напротив, оба уровня связаны: поступок как любое действие всегда имеет цель, которая есть сколок смыслов. Такое по-

нимание не означает тем не менее, что мотив разбивается на цели, подобные его более мелким фрагментам. Определенный смысл, рождающий мотив, или мотив, сопровождающийся определенным смыслом, вызывает процесс либо целеобразования, целепостроения, т.е. создания цели, либо ее выбора, если она присутствует в поле альтернатив.

Источник формирования личности и характера один: смыслы существования человек черпает в мире людей, там же он находит и способы их исполнения. Ни с личностью, ни с характером индивид не рождается, то и другое он выбирает и усваивает в культуре социума. Но сказанное не предполагает параллельности генезиса обоих образований. Напротив, в процессе развития между ними возможны смещения. Какие-то формы поступков ребенок усваивает раньше его способности осознать и присвоить их значение. На протяжении жизненного цикла человека вероятны периоды более интенсивного построения личности или характера.

Расхожее мнение о возможности сочетания хорошей личности с плохим характером всего лишь иллюзия: высокие смыслы не реализуются в низких поступках, как и наоборот. Однако в жизни мы иногда видим более или менее заметное несоответствие обсуждаемых конструктов. Чем оно порождается? Чаще всего установкой «казаться, а не быть», когда человек создает внешний, социально одобряемый рисунок поведения и лишь в экстремальной ситуации обнаруживает свое «истинное лицо», открывая личность и/или характер. Помимо этого, отклонения первой в лучшую сторону по сравнению со вторым нередко являются результатом недостатка средств исполнения (плохо сформированных или неадекватных смыслов). Следующая причина может крыться во влиянии темперамента на характер: эмоционально неустойчивый, импульсивный человек оказывается не в состоянии последовательно выдерживать линию поведения, соответствующую его смыслам. Важны и качества интеллекта. Последний не входит в характер, как учил Аристотель, но, по его же мнению, решение о поступках принимается при прямом, непосредственном интеллектуальном участии, и это фактор, способный тормозить не только воплощение, но и возникновение смыслов.

Уместно внести уточнение о том, как соотносятся известные психические функции человека с двумя рассматриваемыми образованиями. Если к личности предъясвляется вопрос «что, ради чего?», к характеру — «как?», то к прочим функциям — «чем?» Их сумму Л. Клягес (Klages, 1910) называл материалом характера, комплексом естественных дарований, прирожденным капиталом. Последний, несомненно, обладает разной мощностью, и его воздействие на оба конструкта трудно переоценить. У субъекта, избравшего музыкальную карьеру, но не избавленного от ограничений звуковысотного слуха,

рушится смысл стать серьезным профессионалом. У амбициозного человека, стремящегося к самовозвышению, но обделенного достаточной силой интеллекта, из-за неоптимальной стратегии срывается исполнение многих замыслов, возникает конфликт с социальным окружением, развивается тревожность, агрессивность, фрустрированность, что мы воочию наблюдаем при так называемой «триаде риска» (Бороздина, 2011).

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что отождествление понятий «личность» и «характер» неправомерно, поскольку это неодинаковые компоненты человеческой психики, различающиеся по своему содержанию, месту и назначению в человеческой психике, единицам анализа, строению и генезису. Исключение характера из сферы исследования делает общую структуру психики человека неполной, а идентификация личности с психической индивидуальностью столь же бесперспективна, как и ее идентификация с характером, в чем убеждает 2500-летняя история изучения характера в указанной интерпретации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверинцев С.С. «Греческая» литература и ближневосточная «словесность» // Типология и взаимосвязь литератур древнего мира / Отв. ред. П.А. Гринцер. М.: Наука, 1971. С. 206—266. [Averincev, S.S. (1971). «Grecheskaja literatura i blizhnevostochnaja «slovesnost'». In: P.A. Grincer (otv. red.). *Tipologija i vzajmosvjaz' literatur drevnego mira* (ss. 206—266). Moskva: Nauka]

Ананьев Б.Г. Очерки истории русской психологии XVIII—XIX веков. Л.: Госполитиздат, 1947. [Anan'ev, B.G. (1947). *Očerki istorii ruskoj psihologii XVIII—XIX vekov*. Leningrad: Gospolitizdat]

Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. IV. М.: Наука, 1984. С. 73—127. [Aristotel'. (1984). *Nikomahova jetika*. In: Aristotel'. Soch.: V 4 t. T. IV (ss. 73—127). Moskva: Nauka]

Асмолов А.Г., Братусь Б.С., Зейгарник Б.В., Петровский В.А., Субботский Е.В., Хараш А.У., Цветкова Л.С. О некоторых перспективах исследования смысловых образований личности // Вопросы психологии. 1979. № 4. С. 35—46. [Asmolov, A.G., Bratus', B.S., Zejgarnik, B.V., Petrovskij, V.A., Subbotskij, E.V., Harash, A.U., Cvetkova, L.S. (1979). O nekotoryh perspektivah issledovanija smyslovyh obrazovanij lichnosti. *Voprosy Psihologii*, 4, 35—46]

Боннар А. Греческая цивилизация. М.: Иностранная литература, 1958. [Bonnar, A. (1958). *Grecheskaja civilizacija*. Moskva: Inostrannaja literatura]

Бороздина Л.В. Личность и характер // Активизация личности в системе общественных отношений: Тез. докл. VII Всесоюз. съезда Общества психологов СССР (Москва, август 1988 г.). М., 1989. С. 57—59. [Borozdina, L.V. (1989). Lichnost' i harakter. In: *Aktivizacija lichnosti v sisteme obshhestvennyh otnoshenij: Tez. dokl. VII Vsesojuz. s»ezda Obschestva psihologov SSSR* (Moskva, avgust 1988 g.). Moskva, 1989. S. 57—59]

Бороздина Л.В. Психология характера. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. [Borozdina, L.V. (1997). *Psihologija haraktera*. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta]

Бороздина Л.В. Различие личности и характера // Ежегодник РПО «Психология и ее приложения». Т. IX. Вып. 2. М., 2002. С. 222—225. [Borozdina, L.V. (2002). *Razlichie lichnosti i haraktera*. *Ezhegodnik RPO «Psihologija i ee prilozhenija»*, IX, 2, 222—225]

Бороздина Л.В. О предмете психологии характера и личности: Учеб. пособие. М.: Проект-Ф, 2004. [Borozdina, L.V. (2004). *O predmete psihologii haraktera i lichnosti: Ucheb. posobie*. Moskva: Proekt-F]

Бороздина Л.В. Уровень притязаний: классические и современные исследования. М.: Акрополь, 2011. [Borozdina, L.V. (2011). *Uroven' pritjazanij: klassicheskie i sovremennye issledovanija*. Moskva: Akropol']

Бороздина Л.В. Проблема характера в психологии // Вопросы психологии. 2012. № 1. С. 36—43. [Borozdina, L.V. (2012). *Problema haraktera v psihologii*. *Voprosy Psihologii*, 1, 36—43]

Бороздина Л.В., Молчанова О.Н. Самооценка в разных возрастных группах: от подростков до престарелых. М.: Проект-Ф, 2001. [Borozdina, L.V., Molchanova O.N. (2001). *Samoocenka v raznyh vozrastnyh gruppah: ot podrostkov do prestarelyh*. Moskva: Proekt-F]

Бэн А. Об изучении характера. СПб.: Изд. Заленского и Любарского, 1866. [Bjen, A. (1866). *Ob izuchenii haraktera*. Sankt-Peterburg: Izd. Zalenskogo i Ljubarskogo]

Джемс У. Психология. М.: Педагогика, 1991. [Dzhems, U. (1991). *Psihologija*. Moskva: Pedagogika]

Зиньковская И.В. Этническая психология. Воронеж: Истоки, 2005. [Zin'kovskaja, I.V. (2005). *Jetnicheskaja psihologija*. Voronezh: Istoki]

Ковалев А.Г., Мясицев В.Н. Характер. Л.: Изд-во ЛГУ, 1957. [Kovalev, A.G., Mjasischev, V.N. (1957). *Harakter*. Leningrad: Izd-vo LGU]

Лабрюйер Ж. Характеры [1688]. СПб.: Азбука, 2011. [Labrjujer, Zh. (2011). *Haraktery* [1688]. Sankt-Peterburg: Azbuka]

Лазурский А.Ф. Очерк науки о характерах. СПб.: Изд. К.Л. Риккера, 1908. [Lazurskij, A.F. (1908). *Ocherk nauki o harakterah*. Sankt-Peterburg: Izd. K.L. Rikкера]

Лазурский А.Ф., Франк С.Ф. Программа исследования личности в ее отношении к среде // Русская школа. 1912. Кн. 1. С. 1—24. [Lazurskij, A.F., Frank, S.F. (1912). *Programma issledovanija lichnosti v ee otnoshenii k srede*. *Russkaja shkola*, 1, 1—24]

Левитов Н.Д. Психология характера. М.: Педагогика, 1969. [Levitov, N.D. (1969). *Psihologija haraktera*. Moskva: Pedagogika]

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. [Leont'ev, A.N. (1975). *Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'*. Moskva: Politizdat]

Лосев А.Ф. История античной эстетики: В 8 т. Т. 4. М.: Наука, 1975. [Losev, A.F. (1975). *Istorija antichnoj jestetiki: V 8 t. T. 4*. Moskva: Nauka]

Малапер П. Элементы характера и законы их сочетаний. М.: Изд. К.И. Тихомирова, 1913. [Malaper, P. (1913). *Jelementy haraktera i zakony ih sochetanij*. Moskva: Izd. K.I. Tihomirova]

Миль Дж.Ст. Система логики [1843]. М.: Изд. Г.А. Лемана, 1914. [Mill, Dzh.St. (1914). *Sistema logiki* [1843]. Moskva: Izd. G.A. Lemana]

Модсли Г. Физиология и патология души. СПб.: Изд. О. Бакста, 1871. [Modсли, G. (1871). *Fiziologija i patologija dushi*. Sankt-Peterburg: Izd. O. Baksta]

Оуэн Р. Образование человеческого характера. СПб.: Изд. Н.И. Билибина, 1865. [Oуjen, R. (1865). *Obrazovanie chelovecheskogo haraktera*. Sankt-Peterburg: Izd. N.I. Bilibina]

Полан Ф. Психология характера. СПб.: Ф. Павленков, 1896. [Polan, F. (1896). *Psihologija haraktera*. Sankt-Peterburg: F. Pavlenkov]

Рибо Т. Болезни личности. СПб.: А.Е. Рябченко, ценз., 1886. [Ribo, T. (1886). *Bolezni lichnosti*. Sankt-Peterburg: A.E. Rjabchenko, cenz.]

Стратоновский Г.А. Феофраст и его «характеры». Л.: Наука, 1974. [Stratonovskij, G.A. (1974). *Feofrast i ego «haraktery»*. Leningrad: Nauka]

Феофраст. Характеры. Л.: Наука, 1974. [Feofrast. (1974). *Haraktery*. Leningrad: Nauka]

Фрейденберг О.М. «Характеры» Феофраста // Уч. зап. ЛГУ. Сер. Филол. науки. 1941. № 63. Вып. 7. С. 129—164. [Frejdenberg, O.M. (1941). «Haraktery» Feofrasta. *Uchenye zapiski LGU. Ser. Filologicheskie nauki*, 63, 7, 129—164]

Фулье А. Темперамент и характер. М.: Книжное Дело, 1896. [Full'e, A. (1896). *Temperament i karakter*. Moskva: Knizhnoe Delo]

Ярошевский М.Г. История психологии. М.: Мысль, 1976. [Jaroshevskij, M.G. (1976). *Istorija psihologii*. Moskva: Mysl']

Adler, A. (1927). *The Practice and theory of individual psychology*. New York: Harcourt, Brace & World.

Allport, G. (1937). *Personality: A Psychological Interpretation*. New York: Holt.

Arnold, W. (1972). Character. In: H. Eysenk (Ed), *Encyclopedia of Psychology* (pp. 177—180). London: Fontana Collins.

Corman, L. (1932). *Visages et caracteres*. Paris: Plon.

Hall, J. (1969). *Characters of Virtues and Vices* [1608]. London: Works, 1608. Ed. Philip Wynter. Volume VI. New York: reprinted by AMS Press, 1969. 89—125.

Klages, L. (1910). *Prinzipien der Charakterkunde*. Bonn: Bouvier.

Seligman, M.I.P. (2002). *Authentic Happiness: Using the New Positive Psychology to Realize Your Potential for Lasting Fulfillment*. New York: Free Press.

Shand, A.F. (1914). *Foundations of character*. London: Macmillan.

Roback, A.A. (1928). *Psychology of character*. London; New York: Harcourt Brace & Company.